

Yasach Astra

РОБОТ
ДЖОН

Astra Yasach

Робот Джон

«Издательские решения»

Yasach A.

Робот Джон / А. Yasach — «Издательские решения»,

В череде серых будней, когда каждое утро кажется клоном предыдущего, а мечты о свободе растворяются в бесконечной рутине, живет Джон — обычный мужчина, чей внутренний мир давно заблокирован безразличием и апатией. Всё меняется в один роковой день, когда судьба сводит его с гениальным ученым Эндрю, который решает проверить границы человеческой идентичности. Эта история — зеркало для раздумий о судьбе, свободе воли и природе человеческой души в мире.

© Yasach A.

© Издательские решения

Робот Джон

Astra Yasach

© Astra Yasach, 2026

ISBN 978-5-0069-7807-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Над туманными улицами Англии висело только беспросветное небо, словно тяжёлое серое покрывало, неотступно давящее на город. Холодный, промозглый дождь капал с покрытых мхом крыш, превращая тротуары в блестящие зеркала. В такие дни свет казался далеким и недосыгаемым, а воздух — густым и вязким, словно он нагнетал безысходность в души каждого, кто осмеливался выйти на улицу.

Джон Кинг сидел у окна своей небольшой квартиры, наблюдая, как капли медленно скатываются по стеклу. Но его мысли были ещё мрачнее самой погоды за окном. Внутри него давно поселилась пустота, в сердце не проникал ни свет надежды, ни тепло чувств. Отсутствие смысла в каждом дне, бесконечная рутина на заводе, где он был всего лишь очередной пешкой, — всё это гнетущей тяжестью сжимало его сердце. Всё, чем он жил, — жена и маленький сын — казалось теперь нерадостным отголоском прошлого счастья, к которому он не мог вернуться. Его душа представляла собой застеклённую комнату. Он мечтал о том, чтобы кто-то взял на себя его обязанности, чтобы он мог наконец исчезнуть или хотя бы перестать нести этот груз. Он был словно затерянная тень самого себя, он ждал, что кто-то или что-то возьмёт на себя его бремя и освободит его от нескончаемой борьбы с собственной апатией.

Его мысли были затуманены, возникал постоянный вопрос — есть ли смысл вставать. Он разглядывал серые стены своей квартиры, почти не замечая окружающих вещей. Чувствовал усталость, словно весь его организм был связан тяжёлой цепью апатии. Он понятия не имел, почему так происходило — возможно, внутри что-то сломалось. Даже не стал долго собираться. Взяв старую куртку и забрав портфель, он вышел на улицу, направляясь на работу.

Путь до завода проходил мимо мрачных улиц. В небе висели серые тучи. Мелкий дождь и слякоть покрывали улицы. Деревья и здания выглядели бледно, будто бы сторбленные в унылой тени, а мокрый асфальт отражал тусклое серое небо. Вся улица казалась унылой и безжизненной, — словно зеркало душевного застоя. Джон знал, что не способен испытывать радость или энтузиазм. Всё внутри было серым, как его настроение. Весь этот мрачный пейзаж, с грязью, дождём и небом, будто подчёркивали его внутреннее состояние — тусклое, безрадостное и безнадежное.

На заводе Джон вошёл в ворота и сразу ощутил привычную суету. Шум механизмов — всё казалось знакомым, но равнодушным. Он прошёл мимо рядов станков, где рабочие, словно автоматы, выполняли свои монотонные задачи. Их лица были такими же серыми, как и стены цеха, их движения — механическими, лишёнными всякой искры. Джон чувствовал себя одним из них, винтиком в огромной, бездушной машине.

День обещал быть долгим и утомительным, но как только он свернул за угол, на его лице появилась лёгкая улыбка. Там, у станка, стоял Ник — его друг и коллега.

Заметив Джона, Ник сразу отложил инструмент и широко улыбнулся. Эта его улыбка всегда была искренней и заразительной, мгновенно снимая любое напряжение.

— Привет, Джон! Как дела? — крикнул он, заглушая шум работающих машин.

— Привет, Ник! Да, как обычно, — ответил Джон, подходя ближе. Как ты? Как мама? — спросил он.

— Да, нормально. Правда работа эта как-то надоела. Но я верю, что все будет хорошо.

— У тебя хотя бы есть надежда — слабо усмехнулся Джон.

Джон занял своё место у станка, и руки сами собой начали выполнять привычные движения. Каждый удар молотка, каждый скрип металла отдавался в его сознании глухим эхом, усиливая ощущение пустоты. Он смотрел на свои руки, на мозолистые пальцы и не узнавал их. Казалось, они принадлежат кому-то другому. Время тянулось медленно, как густая смола. Каждый час казался вечностью, наполненной лишь монотонным шумом и запахом машинного масла. Джон пытался сосредоточиться на работе, но мысли постоянно ускользали, возвращаясь к одному и тому же — к бессмысленности всего происходящего. Он видел, как коллеги обмениваются короткими, безразличными фразами, как их взгляды скользят по нему, не задерживаясь. Никто не замечал его внутренней борьбы, его тихой агонии.

На короткий обеденный перерыв он вышел на свежий воздух, ощущая запах города и шум улицы. Он вспомнил лицо сына, его смех, маленькие ручки, которые крепко обнимают его. Ему вдруг захотелось обнять сына, взять его на руки. Его мысли прервал крик Ника.

— Эй, Джон! — заорал Ник, широко улыбаясь. Пойдем сегодня футбол смотреть? Говорят классный матч начнется! Мы точно не пожалеем!

Джон улыбнулся и немного задумался — ведь это было бы хорошей возможностью отдохнуть и встряхнуться. Однако вместо энергичного «да» он покачал головой, что служило отказом.

Лицо Ника помрачнело, его глаза опустились — он словно потерял привычный задор. Джон заметил, как поник его друг.

— Что случилось? — спросил Джон, внимательно глядя на него.

Ник сделал трудный вздох, его губы дрожали, и в глубине глаз заиграла тень отчаяния. Он медленно поднял взгляд на друга, словно собираясь сказать всё сразу, что давно теснится у него на душе.

— Мне нужны деньги, — сказал он тихо, чуть слышно, — очень нужны. Моя мама больна... у неё сложности с лекарствами. У нас вообще ничего не осталось, а ей без них станет еще хуже... я не знаю, что делать.

Голос его задрожал, а в глазах появилась отчаянная боль, словно он борется с невидимыми цепями, разрывающими его изнутри.

Джон смотрел на него с сочувствием, не раздумывая, вынул из кармана часть своей зарплаты и протянул её Нику. Его рука дрожала, а в глазах читалась глубочайшая тревога.

— Бери, — тихо произнёс он. Постарайся сделать всё возможное. Не забывай, что я всегда рядом.

Ник на мгновение замер. Он взглянул на друга, с благодарностью, его глаза снова засияли. Они молча вернулись к работе, каждый погружённый в свои мысли.

Джон вернулся на своё рабочее место.

Он ощущал слабость, апатию и бесцельность происходящего. Время будто растягивалось бесконечно. Когда до конца смены оставалось всего несколько минут, случилась непредвиденная ситуация: он, чувствуя усталость и рассеянность, случайно не заметил, что механизм внутри станка заел. Попытка исправить проблему, не отключая оборудование, оказалась ошибкой. В этот момент его рука внезапно оказалась под движущимся механизмом. Всё произошло быстро: сильное давление, шум металла, крики, ощущение боли. Джон испытал ужас — рука зажата между деталями оборудования. Он кричал и пытался вытащить руку, но движение было невозможным. Коллеги, услышав крик, бросились к нему. Ник начал набирать скорую. Минуты казались вечностью. Коллеги пытались его поддерживать, сдерживая панические мысли. Джон чувствовал, как рука туго затянута, и не мог пошевелить ею. Скорая приехала быстро. Врачи сразу приступили к помощи, оказывая первую помощь прямо в цехе для стабилизации руки.

Доктор настоял на госпитализации, предварительный диагноз — сложный перелом. Ник хотел поехать вместе с ними, но доктор эту идею не одобрил.

Джон лежал на больничной койке, глядя в белый потолок и пытаясь осмыслить произошедшее. Боль в руке утихла, сменившись тупой, пульсирующей болью, которая казалась проникала в самые кости.

Каждый вдох давался с трудом, словно легкие наполнялись не воздухом, а тяжестью пережитого. Воспоминания о моменте, когда рука оказалась в ловушке, яркими и болезненными кадрами всплывали в памяти: блеск металла, скрежет, ощущение неминуемой катастрофы.

Он чувствовал себя опустошённым, как будто из него вытянули всю жизненную силу.

Главной болью была не только физическая, но и душевная. Бесцельность, которая до этого казалась ему привычной, теперь приобрела пугающее измерение. Что, если это был знак? Знак того, что он движется не туда, что его жизнь потеряла всякий смысл?

Он вспоминал лица коллег, их испуганные глаза, их попытки помочь. Благодарность переполняла его, смешиваясь с чувством стыда — за свою рассеянность, за то, что подвёл их, за то, что стал причиной тревоги. Раньше он считал себя надёжным работником, а теперь эта уверенность рухнула. Как он сможет вернуться к работе, зная, что одна ошибка может стоить так дорого?

Когда Джон сидел на кровати, погружённый в свои тёмные мысли, его взгляд невольно упал на дверь палаты.

Врач ненадолго вышел из палаты, чтобы ответить на телефонный звонок, а в этот момент в дверь вошёл пожилой мужчина. Он был в ярко-синем больничном халате, с аккуратно зачёсанными седыми волосами. Его лицо выражало усталость, но одновременно — некую спокойную мудрость. В руках у него была небольшая корзинка с газетами.

Мужчина медленно подошёл к свободной кровати и сел на край, чуть наклонившись вперёд.

— Добрый день, — произнёс он мягким голосом. Можно присесть?

Джон взглянул на него с лёгким недоумением, затем кивнул.

— Конечно, — промямлил он, не скрывая своей усталости и отчуждённости.

Пожилой мужчина уселся, откинулся назад, его глаза смотрели прямо в душу Джона.

— Меня зовут Эндрю, — представился он. Я тут недавно, после операции. Надеюсь, не помешаю?

— Нет, — ответил Джон предварительно представившись.

Наступила короткая пауза. В палате слышался гул машин, тихий шум коридора.

Эндрю не мог не заметить человека, погружённого в тягостные раздумья, и начал:

— Знаете, у меня было похожее состояние после моей первой операции. Тогда я думал, что всё потеряно: здоровье, силы, будущее. Но с каждым днём я понимал, что ничего не изменится, если просто сидеть и погружаться в мрак.

В этот момент сам Джон даже удивился тому, что ему хочется довериться незнакомцу, которого он видит в первый раз.

— Мне кажется, что я все потерял — ответил он глухим голосом.

Эндрю мягко покачал головой, его взгляд оставался тёплым и понимающим. Он не стал спорить или опровергать слова Джона, а продолжил:

— Молодой человек, вижу вам нужно выговориться.

Потерять — это одно. А вот принять потерю как конец всему — совсем другое. Я помню, как однажды, ещё в молодости, я потерял работу. Казалось, что это конец света. Я был молод, амбициозен, и эта потеря казалась мне несправедливой и окончательной. Я провёл несколько дней в отчаянии, перебирая в голове всевозможные варианты, как я мог бы избежать этого. Но потом, когда я немного успокоился, начал видеть другие двери, которые раньше были закрыты.

Я нашёл новую работу, которая оказалась гораздо лучше прежней, — и это стало началом нового, более интересного этапа в моей жизни.

— Моя жизнь, мои мечты... всё развалилось. Как будто я — это просто оболочка, которая исчезает с каждым днём всё быстрее, — продолжал Джон.

— Я прекрасно вас понимаю, молодой человек, — отозвался мудрый собеседник.

— Раз вы понимаете меня, подскажите, что делать, чтобы этот мрак не лез мне в душу?

— Всё очень просто. Отгоните все свои негативные помыслы.

— А как быть, если кажется, что всё вокруг — только грязь, дождь и слякоть? В городе, где всё серое и унылое, мне трудно найти хоть маленький свет.

Пожилый человек вздохнул, будто понимая, что моральная поддержка — не поможет. Он вдруг остановился, щёлкнул пальцами, словно вспомнив что-то важное.

— Молодой человек, — протянул он задумчиво, — думаю, я смогу вам помочь.

Джон недоверчиво посмотрел на него.

— Понимаете, молодой человек, я — учёный. Всё это слишком долго объяснять, и, честно говоря, в монотонных разговорах смысла особо нет. Вот, держите, — он протянул визитную карточку, на которой красовалась надпись: «Доктор Эндрю Парксон».

Джон взял карточку, ощущая под пальцами гладкую, плотную бумагу. На ней, помимо имени и фамилии, был указан адрес и номер телефона. Никаких других деталей, никаких наметок о том, чем именно занимается доктор Парксон, кроме его самоназвания — «учёный». Это было одновременно интригующе и немного пугающе.

Джон чувствовал себя потерянным, словно заблудившийся в тумане, и любая ниточка, ведущая к выходу, казалась спасительной.

После того как таинственный Эндрю скрылся из поля зрения, Джон очень долго рассматривал карточку, покручивая её в руках. Разговор с этим незнакомцем, кажется, окончательно поставил его в тупик, заставив все его мысли превратиться в настоящую кашу.

Пришло время возвращаться домой. Джон медленно шагал, совсем неуверенно, а его мысли были где-то в параллельной вселенной. Травмированная рука — перевязанная жестким гипсом — болезненно напоминала о себе. Он снова погрузился в свои раздумья, не замечая окружающего мира.

Вечер. Ветер мягко шевелил листья деревьев, создавая тихий шорох. Луна, слабо освещающая дорогу, пробивалась сквозь лёгкий дым, накрывший городское небо. Ночь была прохладной, воздух был наполнен запахом мокрой травы.

Джон заметил, что его мысли начинают растворяться, а сознание ускользает в сонливый туман, в котором ночные звуки превращались в мягкий гул.

Он остановился у старого парка, заросшего высокой травой и дикими цветами. Положил руку на толстое дерево — как будто хотел почувствовать связь с природой. Ветра уже не было, только шелест листвы — напоминание о том, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

Спустя некоторое время, чувствуя усталость и внутреннее спокойствие, он направился домой. Перед дверью он замедлил шаг, взглянул на улицу — где в каждом движении ощущалось завершение дня. Дом был тихим, немного застывшим, словно давно притих, ожидая своего хозяина.

У дверей его встретила жена. Её миловидное лицо выражало тревогу и усталость. На её щёчках играли мягкие веснушки, рыжие волосы мягко рассеялись по плечам — словно солнечные лучи в осеннем лесу.

Её глаза — зелёные, полные заботы и лёгкого страха — сделали лицо особенно трогательным и тёплым. Как тёплый плед, оберегающий в эту холодную ночь.

Она слегка улыбнулась, взглянув на Джона, но в глазах читалась тревога: что-то не так.

— Ты что, получил травму? — спросила она с тревогой, увидев его руку. Что случилось? Почему ты не сказал?

Но Джон, словно не услышал, — отмахнулся, чуть улыбнулся и промямлил:
— Всё хорошо. Не волнуйся. — и повернулся, чтобы пойти в комнату сына.

Её сердце сжалось от непонятого предчувствия. Слова Джона — такие обыденные и успокаивающие — казались фальшивыми, словно он скрывал что-то гораздо более важное. Она чувствовала это.

Она смотрела ему вслед, на его спину — напряжённую, несмотря на попытку казаться спокойным. Почему он не сказал? Почему скрывает?

Она знала Джона достаточно долго, чтобы чувствовать: когда он лжёт и пытается быть сильным.

Войдя в комнату, Джон увидел спящего в кровати сына, обнимающего мягкую игрушку. Его лицо было спокойным и беззаботным.

Джон мягко подошёл к кровати, погладил сына по волосам, чуть улыбаясь.

— Мой маленький герой, — прошептал Джон тихо, словно боясь разбудить своего сына, — отдыхай. Всё хорошо, папа рядом.

Он взглянул на лицо спящего ребенка и мягко улыбнулся. В его глазах засиял свет гордости. Что бы ни случилось сегодня, он всегда сможет видеть этого маленького человека, которого любит всем сердцем.

Когда он приблизился к двери и собирался уйти, его взгляд задержался на детском лице чуть дольше.

— Дорогой, — тихо сказала Эмма, — давай лучше выпьем чай и немного поговорим. Мне есть что тебе сказать.

Джон кивнул и сел за небольшой стол. Уже стоял заваренный чай, свет лампы создавал уютную атмосферу.

— Мы не заплатили за квартиру прошлый месяц — начала Эмма. Миссис Блэк уже начала звонить и требовать деньги. Я боюсь, что скоро нас могут выселить, — сказала она, опустив глаза.

Джон слушал её, ощущая, как внутри сжимается сердце. В памяти вспыхнули детали — денег не было, и он не знал, что делать. Он чуть помедлил, а затем произнёс с трудом:

— Я обещаю тебе, Эмма, что разберусь со всем. Обещаю найти выход.

— Мы вместе справимся. Главное — держаться друг за друга. «Всё обязательно решится», — тихо сказала она.

В комнате воцарилась тишина. Эмма убирала посуду, а Джон сел на диван. Вдруг Джон почувствовал, как его сознание уходит в тень, мысли разбегаются по разным направлениям — будто он исчезает в этом тихом уголке мира, закрывая глаза на все тревоги. Он не успел понять, когда именно, сам погрузился в сон.

Сон охватил Джона ворохом тревожных образов и неприятных ощущений. Он метался во тьме, словно корабль на штормовом море — то падая, то вновь взмывая вверх. В промежутках сна он оказывался внутри больничной палаты — холодного и безликого пространства, где каждая стена пахла лекарствами и дезинфекцией. Перед ним стоял Эндрю — тот самый человек из больницы, который с момента перелома руки словно сгусток яркого света проник в сознание Джона. Эндрю улыбался чуть загадочной улыбкой, уверенной и спокойной, но в его глазах читалась неуловимая тайна.

— Ты слышишь меня? — говорил он. Голос звучал тихо, но настойчиво. Ты готов к переменам. Я здесь, чтобы помочь. Верь мне.

Джон пытался понять, чего именно хочет Эндрю, что он замышляет, как собирается помочь и какие идеи скрываются за этой загадочной улыбкой. В сновидении всё было неясно и расплывчато, словно он пытался сложить пазл из кусочков, которые не складывались в целое.

Он шагал к Эндрю через туманный коридор, но тот неожиданно поворачивался, указывая на дверь, сквозь которую проникал манящий свет, обещающий ответы — и, возможно,

судьбоносные перемены. Но чем ближе он подходил, тем сильнее становилось беспокойство. Кто такой этот Эндрю? Какова цена его помощи?

Сердце колотилось в груди, словно пойманная птица. Реальность больничной палаты, даже во сне, казалась слишком осязаемой и реальной. Запах антисептиков, приглушённый свет, тишина, нарушаемая лишь отдалённым писком аппаратов — всё это давило, вызывая глухое раздражение. Эндрю со своим невозмутимым спокойствием и таинственной улыбкой одновременно был якорем и источником тревоги.

«Перемены», — эхом отдавалось в голове Джона. Какие перемены? Почему именно он должен быть к ним готов? Он не чувствовал себя готовым ни к чему, кроме как выбраться из этого липкого, тревожного сна. Слова Эндрю казались как обещание, но в них не было конкретики и гарантий. Только эта уверенность, которая казалась почти пугающей своей абсолютностью.

Джон ощущал себя марионеткой, чьи нити дергал невидимый кукловод. Он хотел спросить, закричать, но голос застревал где-то на полпути. Туманный коридор, ведущий к свету, казался бесконечным лабиринтом, где каждый шаг приближал его к неизвестности. Свет манил, но вместе с тем росло предчувствие чего-то необратимого, что может изменить его жизнь до неузнаваемости. Цена помощи, о которой он так отчаянно думал, казалась непомерно высокой, хотя он не мог точно её определить. Это было ощущение долга, который ещё не был чётко сформулирован, но уже давил на плечи.

Он попытался сосредоточиться на лице Эндрю, уловить хоть какую-то подсказку в его глазах, но они оставались зеркалом, отражающим лишь его собственное смятение. Вдруг ощущение падения стало сильнее, мир вокруг завертелся, и Джон почувствовал, как его вытягивают из этого странного, гипнотического сна. Он открыл глаза — первым увидел потолок своей собственной комнаты, знакомый и обыденный. Но ощущение присутствия Эндрю, его загадочной улыбки и обещания перемен осталось, словно невидимый отпечаток в его сознании. Он лежал, тяжело дыша, и пытался понять — было ли это просто сном или же он действительно столкнулся с чем-то, что уже начало менять его жизнь.

Джон провёл рукой по влажному лбу, стараясь стряхнуть остатки липкого кошмара. Реальность его комнаты, с её привычными тенями и тишиной, казалась хрупкой защитой от того, что он только что пережил. Образ Эндрю, с его спокойной уверенностью и таинственной улыбкой, был настолько ярким, что казалось, будто он всё ещё стоит у края кровати и наблюдает за ним. Слова «Ты готов к переменам» звучали в голове Джона с навязчивой настойчивостью — как будто они были высечены на внутренней стороне черепа.

Он попытался проанализировать свои ощущения: тревогу, страх, но вместе с тем и странное, почти болезненное любопытство. Что за перемены? Почему именно он, Джон, должен быть к ним готов? Он не был героем, не искал приключений. Его жизнь была размеренной и предсказуемой.

Джон встал, подошёл к окну и взглянул на улицу. Утренний город только начинал пробуждаться, окутанный легким дымом. Всё было, как обычно, но для Джона мир уже не был прежним. Он чувствовал себя так, словно стоял на пороге чего-то огромного и неизведанного, и этот порог был одновременно пугающим и притягательным.

Он вспомнил, как во сне пытался понять, что скрывается за улыбкой Эндрю. И эта неопределенность порождала всё больше вопросов. Какова цена этой помощи? Была ли она связана с каким-то долгом, который ему ещё предстояло осознать? Или, возможно, с отказом от чего-то, что он считал своим?

Джон вернулся к кровати и сел, обхватив голову руками. Он чувствовал себя так, будто его сознание было расколото на две части: одна цеплялась за привычную реальность, другая же, поддавшись гипнотическому зову сна, тянулась к неизвестности. Он не мог отделаться от мысли, что Эндрю — это не просто плод его воображения, а нечто большее, нечто, что уже

начало влиять на его жизнь. И это осознание, одновременно пугающее и волнующее, заставляло его сердце биться быстрее. Он знал, что этот день будет отличаться от всех предыдущих. Что-то изменилось, и он не мог повернуть время вспять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.